

Очередь в Европу: кто последний?

Тема Южного Кавказа
на XVI Международном экономическом форуме

Владимир Дегоев,

доктор исторических наук, профессор,
директор Центра Кавказских исследований
Научно-координационного совета по международным
исследованиям МГИМО(У) МИД России

Что там говорить: умеют в новой Европе и принимать, и привечать, и обхаживать. С размахом, щедростью и даже с несколько избыточным, неевропейским по своей стилистике шиком.

Умеют и слушать. Одних с восторгом, других с профессиональным интересом, третьих с вежливым вниманием воспитанного джентльмена.

Все это было еще раз продемонстрировано с 6 по 9 сентября 2006 г. в Крынице – прелестном курортном местечке на юге Польши, где проходил XVI Международный экономический форум, нечто вроде дочернего филиала Давоса.

Там уже не первый год обсуждается одна проблема – строительство “Большой Европы”, сверхструктуры, в сердцевине которой Евросоюз, как единый экономический, политический, культурно-идеологический и военный организм. Именно по этим направлениям, согласно уверенным утверждениям одних и осторожным предположениям других, будет развиваться новая общеевропейская идентичность и субъектность.

Едва ли не самой важной составляющей данной проблемы многим участникам форума представлялся вопрос о территориальных границах “Большой Европы”. У идеи расширения на Восток оказалось немало ярых поклонников, однако нельзя сказать, что на фоне их страстных проповедей в защиту сценария “*Drang nach Osten*” не были слышны голоса скептиков.

К числу энтузиастов, очевидно, относится польское руководство. Оно не скрывает, что Польша претендует на лидирующую роль в процессе интеграции Восточной Европы в Евросоюз, с одной стороны, и на роль главного ко-

ординатора в стратегии продвижения на Восток, с другой. Иначе говоря: “Хотите в Европу – договаривайтесь не только с Брюсселем, но и с Варшавой”. Это что-то вроде позиционирования себя в качестве самого старшего среди

самых младших братьев. Одна из сверхзадач форума в Крынице – максимально сократить число тех, кто не принимает подобную постановку вопроса.

Президент Грузии Саакашвили, судя по всему, принимает эту идею полностью. Да и что ему делать после того, как именно в Крынице в присутствии полутора тысяч делегатов форума польский премьер объявил его “человеком года”, мужественным борцом за демократию и свободу своей страны, героически преодолевающим чудовищное давление и вдохновляющим других на борьбу.

Качинский возвысил Саакашвили до уровня визионера, превосходящего будущее. Премьер закончил на высокой пафосной ноте: если кто-то хочет увидеть страну, неизнаваемо изменившуюся в своем движении к свободе, демократии и западным ценностям, то нужно ехать в Грузию.

Грузинский президент, сказав несколько приветственных фраз на польском языке, перешел на свой родной... английский.

В своем выступлении он сказал, что грузин и поляков всегда объединяли и объединяют воля к свободе и борьба против агрессоров и варваров, победа в которой будет “за нами”, то есть – на стороне света, добра, демократии, культуры и цивилизации. В отличие от Качиньского, Саакашвили не стал церемониться и точно идентифицировал источник всех бед Грузии, Польши и Европы – СССР и его наследница Россия.

Саакашвили признался, что он устал от комплиментов иностранцев, которые, посещая Грузию, восклицают: “Так здесь же, как в Европе!”. Больше всего его нервирует это унижительное “как”, употребляемое по отношению к государству, составляющему неотъемлемую часть Европы “уже в течение двух тысяч лет”(?!)*.

Историко-географические открытия были продолжены другими. При этом речь шла о геополитических взгля-

дах, высказанных специалистами, представляющими вполне сложившуюся концептуальную тенденцию политической мысли, теоретическое и практическое содержание которой заслуживает серьезного анализа.

Это направление можно условно обозначить как упразднение географии и истории в пользу политики.

Не замечать подобных ревизионистских поветрий, набирающих силу благодаря конъюнктурно-идеологической востребованности, по меньшей мере нецелесообразно.

Один из докладчиков предложил под термином “Южный Кавказ” понимать не только Грузию, Армению и Азербайджан, но и территории, простирающиеся далеко на север от Кавказского хребта и далеко на юг от существовавших советско-турецких и советско-иранских границ.

Но если с точки зрения географии это действительно нелепость, то в качестве политического плана, вынашиваемого определенными силами, подобный ревизионизм весьма рационален и этим крайне опасен для России. Он представляет собой разновидность идеи “Общего кавказского дома” – почти ровесницы развала СССР.

Это – некий интеграционный проект, основанный на идее о культурно-цивилизационном единстве народов Кавказа.

Интерес к нему кавказских интеллектуалов, преимущественно из молодого поколения, поддерживался и поддерживается не только западными спонсорскими стимуляциями, но и надеждой на возможность (пусть пока теоретическую) спроецировать европейскую модель интеграции на Кавказ и тем самым создать гипотетические

* Чувство гордости грузинского президента по поводу принадлежности Грузии к первобытно-разбойничьему миру варваров выглядит странновато.

предпосылки для разрешения этнополитических конфликтов.

Эта мысль проверена на мировой практике: острые противоречия между народами и между государствами легче – правда, при определенных условиях – регулировать в рамках сверхструктур – таких, как “классические” империи, или их постмодернистские аналоги в виде различного рода интеграционных объединений или “новых исторических общностей” – США, СССР, в ближайшем будущем, возможно, Латинская Америка и т.п.

В данном случае, оставляя в стороне громадные объективные и субъективные препятствия на пути создания “Кавказского дома”, отметим, что он, по сути, замышляется как архитектурное сооружение многоцелевого назначения. Похоже, сами разработчики пока еще не решили – что здесь главное.

При этом факт, что “Кавказский дом” планируется поставить особняком от России, наводит на тревожное подозрение: его основная функция – объединять одних против других.

В таком случае это не столько интеграционная, сколько конфронтационная модель, чреватая глубоко деструктивными последствиями для всех, в первую очередь, для народов Кавказа.

Не исключено, что “Кавказский дом” предполагается в качестве своего рода восточного филиала Евросоюза, призванного в ближайшей перспективе обеспечить устойчивый рост европейского (или евроатлантического) влияния в регионе, а в отдаленной перспективе подготовку всей совокупности условий для институционального вхождения Кавказа в “Большую Европу”.

Тема безальтернативности западного выбора южно-кавказских государств звучала лейтмотивом многих выступлений на форуме. Но это вовсе

не значит, что они были одинаковыми в акцентах, прогнозах и тональности. Сверхоптимистические настроения заметно контрастировали с трезвым анализом ситуации – причем, порой в пределах одного и того же доклада.

У одного из выступавших получился перифраз знаменитого девиза Джона Кеннеди: “Думай не о том, что Европа должна сделать для нас (стран Южного Кавказа), а о том, что мы должны сделать для Европы!”.

Почему? Да потому, как выясняется, что все народы изначально в неоплатном долгу перед ней за ее бесценный подарок человечеству – демократию, свободу, право, культуру.

Отсюда следовало неожиданное заключение: **нет больше постсоветского пространства, есть пространство расширяющейся Европы.**

Однако даже самые бескомпромиссные сторонники еврокавказской интеграции не отрицали наличие серьезных препятствий. Среди них так называемые замороженные конфликты, связанные с определением (*де юре* и *де факто*) территориальных границ, международно-правовой субъектности и международно-политической статусности южнокавказских государств, в том числе ныне не признанных.

Тут выделяются два подхода: одни полагают, что сначала нужно разрешить конфликты, а потом ставить вопрос об официальном вхождении в Европу, куда с таким взрывоопасным грузом просто не примут. По мнению других, напротив, вступление в евросоюзные и евроатлантические структуры и будет самым действенным способом развязать гордые узлы на Южном Кавказе.

Весьма любопытно, что на втором варианте настаивал эксперт из Армении, позволивший себе утверждение о том, что на сегодняшний день не существует более надежной системы глобальной безопаснос-

ти, чем НАТО, и поэтому перед южно-кавказскими государствами нет иного пути, кроме как связать свою судьбу с организацией, имеющей столько "заслуг" в деле сохранения мира во всем мире. Естественно, реальные результаты "миросохранительной" деятельности НАТО в Югославии, Сербии, Афганистане, Ираке были деликатно обойдены молчанием.

Но затем вполне прозападный делегат из Грузии, в целом солидаризируясь со своим армянским коллегой, фактически дал понять: столь демонстративно отстранять Россию от решения проблем Южного Кавказа – это уж слишком.

Учитывая уровень такого мероприятия, как форум в Крынице, неизбежно должен был поднят вопрос о состоянии демократии в южно-кавказских странах.

Вывод большинства специалистов: демократии там нет и не известно, когда будет. В одних случаях выступавшие ограничивались достаточно спокойной констатацией этого факта. В других – подчеркивали, что успех в урегулировании межэтнических конфликтов якобы зависит, прежде всего, от уровня демократичности общества и от степени легитимности существующих в Закавказье правительств, включая руководство непризнанных государств.

Известно, что абсолютных критериев оценки легитимности государственной власти нет и, видимо, не будет в обозримом будущем. Есть и будут двойные, тройные или еще более ранжированные стандарты, в основе которых останется принцип целесообразности. На сегодняшний день "легитимность" – совершенно условное понятие, смысл которого целиком зависит от оценивающего субъекта: будь то местная оппозиция, зарубежное государство, международная организация или так называемое мировое сообщество.

Запад не известно на каком основании присвоил себе право возводить в ранг высшего критерия собственное мнение о законности системы власти в той или иной стране, не желая считаться с ее историко-культурным опытом, традициями, религией, массовой психологией. Хорошо бы, если бы Запад последовательно реализовывал такой подход сообразно с некими "эталонными" нормами демократии. Но на деле торжествует предельно циничная логика.

Неприемлемый для Запада лидер, набравший на выборах около 90% голосов, объявляется нелегитимным, а "наш" кандидат с 6% признается законным, демократически избранным правителем. Уважения к волеизъявлению народа здесь нет.

Но зато Западу не откажешь в прагматичном уважении к силе, мощи и богатствам той или иной державы. Очень трудно представить себе ситуацию, при которой Евросоюз или США посмеют отказать в легитимности, скажем, китайскому руководству, даже если оно возьмет откровенно антизападный курс.

Не похоже, чтобы представленные на форуме эксперты, настаивавшие на том, что заимствование западных политических ценностей есть магистральный путь к разрешению закавказских конфликтов, искренне верили в эту "аксиому". По их мнению, существует острый дефицит легитимности официальной власти в Ереване и Баку. Но подобное не относится к прозападному тбилисскому руководству. Следует подчеркнуть, что эта классификация является сомнительным открытием глубоко субъективного, точнее – ангажированного характера, а кроме того, дефицит или профицит легитимности, тем более констатированные Западом, не имеют никакого реального отношения к перспективам нормализации ситуации вокруг Нагорного Карабаха.

На минуту вообразим себе возможность постановки "чистого" эксперимента:

в Ереване приходит к власти безупречное в своей легитимности правительство, пользующееся стопроцентной поддержкой населения и преданное идее вступления в Евросоюз и НАТО. Что останется от этой "демократической легитимности" и, вполне вероятно, от самого правительства в физическом смысле на следующий день после официального объявления им о том, что оно приняло решение согласиться на предлагаемый Баку компромисс в нагорно-карабахском вопросе?

Или представим себе шансы на торжество "демократического легитимизма", если зеркальная, но аналогичная по существу ситуация сложится в азербайджанском руководстве?

О каких сценариях урегулирования можно говорить и чего требовать от политиков-практиков, когда даже представители экспертного братства, даже в таких благословенных уголках Европы, как Крыница, как будто нарочно созданных для философского восприятия жизни, стоят, что называется, насмерть, отказываясь от попыток хотя бы теоретически обозначить общие точки соприкосновения.

Вместо этого с обеих сторон звучит: "Наши требования неукоснительны!".

Теперь о закавказских евроскептиках и тех, кто видит в ином свете и проблемы региона, и возможные подходы к их решению.

Один из делегатов Армении заметил, что в культурном и психологическом плане нынешние отношения между Южным Кавказом и Европой напоминают улицу с односторонним движением: "Мы (кавказцы – *Авт.*) рвемся в Европу, но с ее стороны нет никакой взаимности." Считается само собой разумеющимся, что армянская, грузинская и азербайджанская интеллигенция должна знать и прекрасно знает европейскую литературу, музыку, изобразительное искусство и т.д. А почему, при этом, европейцам вовсе не обязательно

иметь представление о закавказской культурной классике мирового значения?

Признавая полную правомерность подобных вопросов, добавлю, что в данном случае перед нами типичное проявление рудиментов культурного империализма и культурного снобизма в отношении "Запад-Восток" – старого, но не изжитого феномена, который в последнее время исследуется учеными с особым пристрастием.

Как бы в развитие данной темы, один из участников форума, представлявший Россию, затронул очень глубокую и не очень популярную сегодня проблему соотношения национального и интернационального в советской имперской культуре. В своем выступлении он напомнил о том, что именно эта мега-культура создала питательную среду для духовного расцвета народов Закавказья и стала главным каналом выхода этой небывало продуктивной и уникальной творческой энергии в мировое культурное пространство. Благодаря этому мощному транслятору в мире узнали также о шедеврах закавказской культуры Античности, Средневековья, Нового времени.

Возвращаясь к выступлению армянского делегата, хотелось бы выделить в нем еще несколько положений. Смысл их в том, что Европа (и Запад в целом), заинтересована, по большому счету, не столько в строительстве настоящей демократии на Южном Кавказе, сколько в эксплуатации его природных ресурсов, транзитно-коммуникационных возможностей, геополитического и геостратегического потенциала.

Европе нужны материальные выгоды, а не южнокавказские проблемы. И пока она не внесет коррективы в этот порядок приоритетов, ни о какой еврокавказской интеграции не может быть и речи.

И в заключение эксперт из Армении призвал своих коллег из южнокавказских государств избавиться от комплекса неполноценности, то есть никому не доказывать, что ты – европеец, если действительно ощущаешь себя таковым. Ведь не делают же этого французы, немцы, итальянцы и др.

Отчасти в таком же ключе было выдержано сообщение представительницы грузинской оппозиции, отметившей, что тбилисское руководство изначально декларировало свой прозападный выбор, однако в его политическом поведении внутри страны признаков европейскости как не было, так и нет. Есть лишь фактически однопартийная система, искусственное поддержание состояния перманентной революции, безудержная спекуляция на розово-революционном пафосе и на теме враждебного окружения.

Все это помогает Саакашвили насаждать атмосферу чрезвычайщины и оправдывать применение репрессивных методов во имя спасения демократии.

Внутриполитическая доктрина грузинского президента, по мнению выступавшей, проста: нам пока не до демократии; вот наведем порядок, тогда и ею займемся.

Западу приходится терпеть эксцентрику “демократического диктатора”. Ведь он – свой человек, умеет эффектно предстать перед западным миром в образе правого либерала, неуклонного в своем неприятии северного соседа и в своей приверженности евроатлантизму.

Общий вывод грузинского эксперта во многом перекликался с мнением его коллег, а именно: назваться европейцами – одно, казаться европейцами – другое, быть европейцами – нечто совершенно третье.

Это не столько стадии эволюции, сколько существенно различные цивилизационно-культурные состояния.

На “кавказских” семинарах, если не в большинстве, то во многих выступлениях вообще не упоминалась Россия. Как будто наличие этого фактора в сценариях развития Южного Кавказа представляет собой ничтожную величину, достойную умолчания. Можно было поражаться виртуозному искусству “не заметить” Россию там, где этого по определению сделать невозможно – в исследовании современного кавказского геополитического ландшафта.

Но именно это нарочитое невнимание парадоксальным образом доказывало, что Россия присутствует повсюду: для одних (в Крынице их было абсолютное большинство) черной тенью, для других (единицы) – светлым бликом надежды. Впрочем, обе группы – каждая по своим причинам сходились в одном – нежелании касаться российской темы.

Однако полностью избежать ее все же не получилось, поскольку даже в глубоко ангажированном восприятии всегда остается место для профессиональной этики: соблюдения элементарных правил политического анализа.

О России говорили в основном как о деструктивной силе, возводящей барьеры на пути продвижения Европы на Кавказ и Кавказа в Европу. Ее обвиняли в том, что она давно уже превратилась из посредника и миротворца в заинтересованного участника закавказских конфликтов. Поэтому ее следует лишить миротворческого мандата и целиком передать его Западу.

Никто не вспомнил, что благодаря именно России и только России в регионе была остановлена кровавая бойня, и уже более 10 лет там царит, пусть и “холодный”, но мир. Между прочим, соответствующие заслуги Москвы молчаливо признают США и Европа.

В Крынице стало еще очевиднее, что политика “искания добра от добра” в

последнее время обретает новых сторонников.

Как само собой разумеющееся муссируется идея о неприемлемости дальнейшего сохранения статус-кво на Южном Кавказе, ибо в этом якобы не заинтересовано ни одно государство, кроме России. Самое прискорбное в том, что при наличии ряда сугубо умозрительных, “лабораторных” проектов никто по существу не знает: как, в какую сторону и с чьей помощью размораживать застарелые конфликты, непосредственные участники которых не желают ни на йоту отойти от своих принципов. И еще важнее – никто не может предугадать масштабов общекавказских и внекавказских последствий “разморозки”, хотя все слышали о теории домино и печальных примерах превращения ее в практику.

Следует отметить и то, каким образом в большинстве случаев строились, так сказать, рабочие политологические теоремы. В исходной базе данных под рубрикой “дано” значилось все, что угодно, кроме права России иметь и отстаивать свои интересы в Закавказье, право испытывать огромную тревогу и психологический дискомфорт в связи с растущим влиянием ее оппонентов на происходящие в регионе процессы, диаметрально противоположные базовым принципам национальной безопасности России.

Под строкой “доказать” помещались идеи о неотвратимости перспективы евроинтеграции Южного Кавказа и необходимости максимального вытеснения России на обочину политико-игрового поля, а еще лучше – за его пределы.

Система “доказательств” в основном уже дана выше. Но в тех случаях, когда некоторые южнокавказские эксперты все же вспоминали, что их регион соседствует на севере не с пустыней Сахара, а с совершенно иной по своему

геополитическому и историческому содержанию величиной, с которой просто нельзя не считаться, то они спешили поставить во главу угла вопрос о неких непреложных, фундаментальных обязательствах России в отношении Южного Кавказа. Обязательства перед “мировым сообществом” вообще и Западом, в частности. Говорить же об ответных обязательствах Запада на постсоветском пространстве с учетом национальных интересов России считалось абсолютно неуместным.

Никому и в голову не приходило вообразить такую ситуацию, когда Москва объявила бы, скажем, Северную Мексику или Карибский бассейн зоной своих жизненно важных интересов, и начала бы там реализацию своих экономических, политических и стратегических проектов. То есть делать ровно то, чем занимаются США в Закавказье.

Какое оправдание можно найти этому вопиющему двойному стандарту, кроме как сослаться на старую истину: “Сильному позволено все”. **Ну а если так, то России остается одно – становиться сильной во всех смыслах. Настолько сильной, чтобы не было нужды доказывать это ни себе, ни другим.**

Справедливо отметить, что и наша российская аналитика, особенно неоимперского направления, тоже далеко не безгрешна в построении своих теорем.

Иные ее представители в упор не видят сложнейших, растущих количественно и качественно препятствий на пути различных по своей радикальности реинтеграционных схем. А если видят, то предлагают неприемлемые на сегодня способы их преодоления. Они не понимают, что время классических империй ушло безвозвратно. Пришло время других гиперструктур, в том числе транснациональных, корпоратив-

ных, “клубных”, сетевых, региональных и т.п., действующих с помощью тонких инструментов, гибко и привлекательно. Это – тоже империи, но такие, которые не захватывают и не принуждают, а, напротив, не каждого к себе пускают. В эти империи выстраивается очередь из стран, готовых вывернуть наизнанку себя, свой исторический опыт и свою суть – лишь бы соответствовать критериям приема в “клуб избранных”.

Россия пока не в состоянии предложить интеграционный проект, способный конкурировать с Евросоюзом, поскольку моральные и материальные ресурсы постсоветской квазиимперской модели стремительно иссякают, а новый потенциал для превращения России в естественный и органичный центр политического, экономического и культурного притяжения накапливается настолько медленно, что не идет ни в какое сравнение с темпами развития центровых (точнее – антироссийских) тенденций.

Именно поэтому не видно очередей в те интеграционные структуры, которые создаются под руководством Москвы и скорее бурно имитируют, чем реально демонстрируют тягу к единению.

До поры до времени нас будет спасать лишь то обстоятельство, что организации, подобные ЕврАзЭС и ОДКБ, состоят из государств, которыми Запад пока еще не готов заняться вплотную. Но это не может продолжаться бесконечно.

У любой экспансии, включая ее новейшие, постмодернистские вариации, есть своя внутренняя логика и своя инерция. Она в принципе не знает, что такое разумная достаточность, и будет раскручивать свой маховик до тех пор, пока не столкнется с контрфакторами непреодолимой силы.

Умелое, доктринально продуманное, неумолимо последовательное со-

здание цельной системы таких контрфакторов – вот в чем должна заключаться суть всех интеграционных (или реинтеграционных) инициатив с контрольно-пакетным участием России. Однако в таком объединении нужно напроць исключить воспроизводство вертикальной структуры управления, построенной на главенстве и авторитете “старшего брата” (или братьев).

Другое дело – сугубо деловой и справедливый принцип пропорционального распределения “статусной ренты” между участниками интеграции в зависимости от их реального вклада в финансово-экономические, политические, военно-оборонные и т.д. составляющие союза. О степени и механизме влияния этой самой статусной ренты на принятие коллективных решений можно договориться.

Ни в коем случае не стоит слепо копировать интеграционный опыт Европы: у нас другие исходные предпосылки, историческое прошлое, культура, психология.

Но, по крайней мере, одна особенность построения Евросоюза заслуживает того, чтобы ее позаимствовать: использование не принуждения (в каком бы ни было виде), а объективной взаимной заинтересованности в интеграции – многосторонней, двусторонней или односторонней. И, разумеется, полное соблюдение принципа добровольности.

Необходимо обратить внимание еще на один очень важный аспект. Безусловно, без вовлечения в интеграционный процесс большого бизнеса не обойтись. Но отдать ему в этом деле командные экономические (о других уже и речи нет) высоты – ни в коем случае! Тогда в хватких руках олигархических кланов тихо и незаметно окажется все остальное, как это случилось в 90-е годы.

Интеграция, как спасительный ковчег, должна находиться под прямым контролем государств-участников.

“Что хорошо для Лукойла – хорошо для России” – глубоко порочная и гиблая формула. Безоглядное следование ей приведет к социально опасному конфликту между корпоративными и общественными интересами.

Это, кстати говоря, крайне рискованная ситуация с учетом “проблемы 2008 года” – ситуация, способная спровоцировать гигантские бизнес-структуры, с одной стороны, и обездоленные низы, с другой, включиться в предвыборную борьбу с опасно избыточным

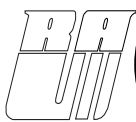
азартом и агрессивностью для достижения – в обоих случаях – реваншистских целей.

России сегодня это нужно меньше всего: вокруг державы, не вылезавшей из пучины вялотекущей гражданской войны, беспорядка, ксенофобии, коррупции, беззакония, объединяться всерьез и надолго никто не будет.

Слагаемые успеха тех, кто в современном мире высочайшей, межцивилизационной, по своей сути, конкуренции претендует на лидерство, совсем в ином.

В чем – мы хорошо знаем.

Это уже неплохо. Для начала, разумеется...

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

На сайте Вы найдете информацию о печатных и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2007 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2007 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.